

ИСТОРИЯ КОЛЛЕКЦИЙ

М. Ф. Альбедиль, А. Н. Бабин

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ И. П. МИНАЕВА: ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

АННОТАЦИЯ. И. П. Минаев, основатель отечественной школы индологии, собрал в XIX в. обширную коллекцию буддийских рукописей и предметов материальной культуры. Но если письменное наследие ученого достаточно хорошо изучено, то собранной им этнографической коллекции уделялось значительно меньше внимания. Она, однако, представляет немалую ценность уже тем, что И. П. Минаев собирал и приобретал вещи, редкие даже для того времени. Большую часть коллекции составляют предметы, так или иначе связанные с религиозными воззрениями и ритуальной практикой Индии и сопредельных стран. География мест, где были собраны артефакты, обширна: это различные районы Индийского субконтинента, включая Гималайский регион. Одна из главных проблем, возникающих при изучении минаевской коллекции, — правильная, серьезно аргументированная атрибуция предметов. Часть предметов нуждается не только в атрибуции, но и в интерпретации изображения, то есть в дешифровке смысла. В настоящей статье мы на конкретных примерах показываем некоторые пути решения названных проблем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Минаев Иван Павлович, этнографическая коллекция, джайнизм, индуизм, сикхизм, атрибуция, интерпретация

УДК 069.02:39

DOI 10.31250/2618-8619-2019-1(3)-229-238

АЛЬБЕДИЛЬ МАРГАРИТА ФЕДОРОВНА — д.и.н., в.н.с. отдела этнографии Южной и Юго-Западной Азии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: albedil@inbox.ru

БАБИН АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ — аспирант сектора искусства Азии и Африки, Государственный институт искусствознания; сотрудник отдела экскурсионной и лекционной работы, Государственный музей Востока (Россия, Москва)

E-mail: babin.edu@gmail.com

В фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН хранится коллекция Ивана Павловича Минаева (1840–1890), основателя школы отечественной индологии. Для читателей, далеких от индологии, стоит написать несколько слов об этом выдающемся многогранном ученом. Мы сочли это уместным потому, что масштаб его незаурядной личности отразился в собранной им коллекции, определяя ее основной состав. Надеемся также, что краткое знакомство с биографией Минаева послужит небесполезным общим историко-культурным контекстом для адекватного восприятия описываемых в статье экспонатов.

Прочным фундаментом для активной и разносторонней деятельности И. П. Минаева послужила его блестящая филологическая подготовка и энциклопедическая образованность. Он учился на факультете восточных языков Петербургского университета, куда поступил, закончив в 1858 г. классическую гимназию в Тамбове. Со второго курса он начал изучать санскрит, язык родины буддизма, которым Европа тогда всерьез заинтересовалась, пытаясь проникнуть в глубины этой самой древней мировой религии (Вигасин 2008: 140). По окончании университета И. П. Минаев продолжил образование в западноевропейских университетах и стал превосходным знатоком буддизма.

В России его карьера выстраивалась вполне благополучно. В 1873 г. ученый получил место профессора на кафедре сравнительной грамматики историко-филологического факультета Петербургского университета. Вскоре после утверждения в профессорском звании И. П. Минаева направили в командировку в Индию и на Шри Ланку для изучения страны и собирания рукописей. За полтора года, 1874–1875, он не только объездил почти всю Шри Ланку, север и северо-запад Индии, но побывал также в Непале. Во второй раз И. П. Минаев отправился в Индию в 1880 г. по поручению Военного министерства, которое тогда проявляло большой интерес к политической ситуации в Британской Индии. Наконец, в третий раз ученый побывал в Индии и Бирме в 1885–1886 гг. (Васильков 2010: 63–65). Во время этих поездок он собрал весьма значительную коллекцию буддийских рукописей, составившую фонд индийских рукописей Императорской Публичной библиотеки (ныне РНБ) (Миронов 1918).

В результате первой поездки неутомимого путешественника появилась на свет книга «Очерки Цейлона и Индии (из путевых заметок русского)», которая вызвала большой интерес публики, быстро разошлась и вскоре стала библиографической редкостью (Минаев 1878). Наблюдения и впечатления двух последних путешествий были опубликованы в дневниках, изданных уже в советское время и потому прошедших жесткую цензуру (Минаев 1955). Диапазон интересов И. П. Минаева был очень широк. Он занимался исторической географией, сравнительным языкознанием, социальным устройством, традиционной культурой Индии, изучал фольклор гималайских племен и военно-политическую ситуацию в Азии. Список опубликованных работ Минаева содержит почти сто пятьдесят названий, хотя и не все труды увидели свет при жизни ученого.

Для того чтобы воспринимать и оценивать творческую деятельность И. П. Минаева (в том числе и собранную им коллекцию) в ретроспективе, нужно учитывать, что она приходилась в основном на 1870–1880-е гг., когда увлечение буддизмом, характерное для того времени, затронуло и академические круги. Стали появляться публикации переводов ранее не известных буддийских сочинений, в основном южных, тхеравадинских. В научный оборот вводились и новые памятники северного буддизма, махаяны, которые заставляли пересматривать и иначе интерпретировать целый ряд положений, ставших к тому времени общепринятыми. Они ставили перед исследователями новые проблемы, например о характере первоначального учения Будды, о времени и путях сложения буддийского канона, о развитии разных школ буддизма как в Индии, так и за ее пределами и т. д.

В такой атмосфере активных буддологических поисков и работал И. П. Минаев, предлагая новые методы исследования буддизма, причем деятельность его в этом качестве была весьма многообразна. Он публиковал буддийские памятники и их переводы, а также занимался теоретическими изысканиями в области буддийской доктрины и отдельных этапов ее развития. Его фундаментальный, но, к сожалению, не заверченный труд «Буддизм. Исследования и материалы», основанный на строгом анализе источников, стал крупным вкладом в мировую буддологию и не утратил своего значения поныне (Минаев 1887). Именно в этой работе впервые были сформулированы основные принципы русской буддологической школы. Буддизм оставался в центре его научных изысканий с молодости до последних дней, но ученый интересовался и другими индийскими религиями. Религия как духовный феномен входила в круг главных интересов Минаева с самого начала его деятельности. По его мнению, именно религия составляла душу восточной цивилизации. Неслучайно эпиграфом к своей книге «Очерки Цейлона и Индии» он поставил слова британского историка и философа Т. Карлейля: «Главное, что характеризует человека или нацию — религия» (Минаев 1878: 4).

Незадолго до смерти И. П. Минаев намеревался читать курс истории индийских религий. В набросках к вступительной лекции он писал: «При научном описании религиозных феноменов нельзя преследовать апологетических целей или прибегать к каким-либо полемическим приемам. Факт должен быть обследован в возможной полноте и при полной объективности исследователя» (Вигасин 2010: 49). Вследствие этого не будет преувеличением считать, что И. П. Минаев положил начало не только буддологии в России, но и более широкому направлению — индийскому религиоведению.

Благодаря И. П. Минаеву в русле индологии начала развиваться и этнография. Ученый был активным членом Русского географического общества (РГО) и постоянно заботился о развитии этнографической науки в России, составляя этнографические программы РГО, а также участвуя в создании журнала «Живая старина», посвященного проблемам этнографии. Он не упускал случая делать этнографические наблюдения и во время своих путешествий по Индии. Так, находясь в Дарджилинге, он записал в своем дневнике 17 марта 1886 г.: «Для меня... самое любопытное здесь — этнография местности. Все эти народности... до сих пор весьма плохо изучены и очень неудовлетворительно описаны» (Минаев 1955: 174). С этнографических позиций И. П. Минаев подходил и ко многим явлениям буддизма, обращая внимание на его обрядовую сторону, уклад буддийской общины, обязанности монахов и мирян, своеобразие культовых форм и объектов почитания и т. п. Обширный этнографический материал содержится во многих его работах (Волчок 1967: 87–92).

Вероятно, интерес к этнографии и побудил И. П. Минаева собирать не только рукописи и книги, но и предметы материальной культуры, в основном связанные с религиозными культами, что вполне гармонично соотносилось с кругом его основных интересов. Но если письменное творческое наследие И. П. Минаева достаточно хорошо изучено, то его деятельности как собирателя артефактов, равно как и собранной им коллекции, уделялось значительно меньше внимания. Между тем его коллекция ценна с этнографической точки зрения тем, что ученый собирал и приобретал предметы, редкие уже для того времени: «Минаев, будучи тончайшим знатоком всего, что связано с религиями Индии, сумел из всей массы тех подделок и фальшивок, которые ему попадались и предлагались в Индии, — о чем он красочно рассказывает в своих записных книжках, — отобрать и вывезти вещи действительно уникальные» (Волчок 1967: 92–93). Значительная часть коллекции, собранной ученым, отражает как высокую, жреческую, так и низовую, народную материальную культуру

1870–1880-х гг. Это дает основания для сопоставительного анализа отдельных элементов религиозных традиций (индуистской, джайнской, сикхской, исламской) в синхронном и диахронном планах. Обширна и география мест, откуда происходят коллекционные вещи: это различные регионы Индийского субконтинента, от Декана до Гималаев, от Лахора до Калькутты. Такой широкий географический диапазон позволяет составить представление о разных локальных формах индийских религиозных верований того времени.

Как же складывалась судьба этой этнографической коллекции? При жизни И. П. Минаева она находилась в доме ученого, а после его смерти наследники в 1893 г. передали ее в дар МАЭ, и с тех пор она хранится в фондах музея под № 226. В ней насчитывается 120 артефактов, число предметов — около 300, поскольку один экспонат может включать в себя несколько единиц хранения. Сам ученый, к сожалению, никакого описания своей коллекции не оставил, только общую опись, причем предельно лаконичную. Ни в архивных материалах, ни в публикациях И. П. Минаева о собранных им предметах не обнаруживается подробных записей. Встречаются лишь беглые заметки, например «сегодня на базаре попался предмет...» Это можно объяснить, по меньшей мере, двумя обстоятельствами: во-первых, собрание для ученого, ведущего большую научную и педагогическую деятельность, было не главной, а одной из побочных задач, а во-вторых, он рано умер, так и не успев завершить многое из задуманного. Впрочем, архив И. П. Минаева до конца не изучен, возможно, там обнаружится еще немало интересного.

Только в сентябре 1960 г. коллекцию И. П. Минаева зарегистрировала Б. Я. Волчок и формально описала содержащиеся в ней предметы. Она же исследовала фрагмент мраморного рельефа с лотосовым орнаментом (экспонат № 99/3) и установила, что он относится к так называемой культуре Амаравати (II–IV вв. н. э.). «Если трудно доказать, что это фрагмент самой буддийской ступы в Амаравати, датируемой концом II в. н. э., то принадлежность его к какому-то буддийскому архитектурному памятнику той эпохи, к тому, что принято в индийской архитектуре именовать “культурой Амаравати”, не вызывает сомнений» (Волчок 1964: 254–255). Этот фрагмент является уникальным образцом индийского буддийского искусства не только для нашего музея, но и для самой Индии. Важнейший памятник этой культуры — буддийская ступа в Амаравати, небольшом городке на правом берегу реки Кришна в штате Андхра-Прадеш (Shimada 2013).

Должное внимание коллекции И. П. Минаева и его деятельности уделила Н. Г. Краснодембская, описавшая историю собирательства этнографических коллекций МАЭ РАН, посвященных народам Южной Азии (Краснодембская 1983: 52–63). Один из авторов настоящей статьи, М. Ф. Альбедиль, посвятила коллекции И. П. Минаева доклад на Четвертых Доржиевских чтениях «Буддизм и современный мир», прошедших в 2010 г. (Альбедиль 2011: 204–210). Я. В. Васильков детально исследовал и обстоятельно описал один из экспонатов коллекции — буддийский неварский список (Васильков 2014: 128–140). Наконец, несколько предметов этой коллекции были представлены на выставке «Сокровища Гималаев», которая прошла 8–28 сентября 2017 г. в Государственном музее Востока (Сокровища 2017).

Однако полного научного описания, исследования и публикации этой коллекции все еще нет. Между тем она, бесспорно, заслуживает пристального внимания не только этнографов-индологов, но и разного рода специалистов по буддизму и другим религиям Южной Азии. Наша статья — еще один шаг в изучении этнографического собрания И. П. Минаева.

Как было сказано выше, большую часть коллекции составляют предметы, так или иначе связанные с религиозными воззрениями и ритуальной практикой Индии и сопредельных стран. Среди них живописные изображения различных персонажей пантеонов, ритуальная утварь (ложки

для возлияний, чашки, разнообразная жертвенная посуда), миниатюрные модели буддийских ступ, принадлежности для богослужения (барабаны, колокольчики, гонги, четки). Отдельную группу составляют образцы мелкой бронзовой пластики. В коллекции имеются скульптуры персонажей буддийского и индуистского пантеонов, выполненные из мрамора, серебра, меди, глины и других материалов. С иконографической точки зрения весьма интересны изображения религиозно-мифологических сцен и живописные иконы-танки, выполненные на холсте, акварельные рисунки, литографии на мифологические сюжеты, рисунки на слюде. Большая часть их исполнена в традициях народного ремесла, а некоторые представляют собой образцы высокого искусства.

В коллекции имеются и фрагменты архитектурных памятников. Кроме упомянутого выше фрагмента мраморного рельефа с лотосовым орнаментом из Амаравати, в коллекции за № 54 представлен еще один образец традиционной резьбы по камню: деталь ступы, предположительно относящейся к раннему Средневековью. По всей вероятности, она демонстрирует часть ее основания. На этом фрагменте в четыре ряда расположены одинаковые канонические изображения Будды.

Одна из главных проблем, возникающих при изучении минаевской коллекции, — правильная, серьезно аргументированная атрибуция предметов. При этом некоторые из них для удобства можно группировать по тем или иным признакам в отдельные блоки и рассматривать их как единое целое. Один из таких блоков, например, — около 170 произведений живописи и графики, выполненных вручную, и печатных. Все эти экспонаты, за редким исключением, относятся к массовой городской (и отчасти народной) изобразительной традиции. Раздел V описи, составленной Ф. К. Руссовым при поступлении в 1893 г. коллекции в музей, так и озаглавлен: «Лубочные картины и рисунки, большей частью религиозного содержания». К нему примыкает раздел VI, «Рисунки на слюде»; в совокупности они охватывают № 101–120¹. Опись включала только самые общие сведения: «16 листов с изображениями различных сцен», «3 листа рисунков с текстом» и др. При регистрации в сентябре 1960 г. Б. Я. Волчок описала эти вещи с формальной стороны, указав размеры, и в редких случаях (некоторые листы № 110, 117, 118) сюжеты. Однако датировка и место создания для всех экспонатов значились как «Индия, XIX в.». Мы попытались атрибутировать некоторые из них, для уверенности находя сопоставительный материал в других музеях, в частности в лондонском Музее Виктории и Альберта, где имеется обширная коллекция образцов индийской массовой печатной продукции и живописи этого периода.

Под № 101 значатся 16 единиц хранения: семь листов печатной графики размером 56 × 45 см, один — 33,5 × 27,5 см и восемь — 45 × 27 см. В сравнении с последними первые семь представляют собой неразрезанные листы двойного формата, то есть в действительности листов получается 23. Судя по эпиграфическим данным и стилевым особенностям, работы делятся по месту создания на две группы: семь происходят из Пенджаба, девять (16) — из Калькутты.

В статье мы рассмотрим пенджабскую часть этого предмета. Она включает семь листов: шесть размером 45 × 27 см и один размером 33,5 × 27,5 см. Изображения на них выполнены в технике ксилографии и раскрашены, палитра состоит из синего, зеленого, оранжевого, светло-желтого и лилового цветов. Сцены и персонажи связаны преимущественно с сикхизмом и индуизмом, они имеют подписи на панджаби, выполненные буквами алфавитов гурмукхи и шахмукхи. Центральная фигура двух листов — основатель сикхской общины гуру Нанак. На одном он, насколько можно судить, изображен в окружении последователей. Два его ученика могут быть определены по своим традиционным атрибутам: Мардана имеет в руках струнный музыкальный инструмент рабаб, Бала

¹ В собрание входит также восемь тханок (№ 77–83 в описи коллекции).

держит рядом с учителем опахало. Они сопровождают учителя и на другом листе, но в контексте иной сцены, описываемой в некоторых джанамсакхи (сикхских житийных нарративах): здесь гуру Нанак оказывается в обществе натхов (йогов, последователей Горакхнатха) и утверждает свое превосходство над ними. На третьем листе показана главная сикхская гурдвара (дом молений), комплекс «Золотой храм» (Хармандир-Сахиб) в Амритсаре. Четвертый лист разделен пополам на два вертикально ориентированных изображения. В центре сцены справа — алтарь с изображением Дурги, которой поклоняются Брахма и Шива. Сцена слева идентична по композиции, только в святилище расположена фигура молодого юноши, а перед ним стоит сикх с женой и тремя детьми (см. цветную вклейку, рис. 19).

Поскольку аналогичные экспонаты хранятся в Музее Виктории и Альберта в Лондоне, то с их помощью в отдельных случаях можно уточнить атрибуцию. Так, на похожей сцене на экспонате из этого музея (ИМ.2:49-1917) святилище в левой части определено как гурдвара в честь Баба Атала, сына шестого сикхского гуру Хар Гобинда. В той же коллекции хранится оттиск из Пенджаба (ИМ.2:145-1917), где это строение представлено девятиэтажным, каким является в действительности.

Пятый из пенджабских листов № 101 коллекции И. П. Минаева (см. цветную вклейку, рис. 18) содержит четыре горизонтальных изображения размером около 10 × 16 см, на двух левых — Шива с Ганешей на Нанди и Дургой на тигре (вверху), Ганеша в окружении двух женских фигур (внизу), вверху справа — ткущий Кабир. В нижней правой части показаны два всадника: мужчина, стреляющий из лука, и женщина, которая на полном скаку набрасывает лук на шею газели, словно «заарканивая» ее. Такая сцена имела хождение в индийской миниатюрной живописи начиная как минимум с середины XVIII в.; чаще всего ее определяют как изображение охоты Баз Бахадура и Рупмати². Прочтение подписей помогло бы уточнить атрибуцию. То же справедливо и в отношении еще одного листа из Пенджаба, где явно проиллюстрирован некий нарратив. На нем можно выделить четырех персонажей, которые появляются в нескольких сценах: два бородатых мужчины, представленные беседующими и поклоняющимися у алтарей; женская фигура, дважды сопровождающая одного из этих мужчин; и, наконец, Кришна (его можно узнать по синему цвету тела и характерной короне), который показан единожды в виде алтарного образа и трижды — выполняющим разные работы (прокладывает мотыгой арык и др.). Аналог в Музее Виктории и Альберта (ИМ.2:30-1917) имеет карандашные пометки, в том числе надпись внизу «Story of a saint, who worshipped a stone which became a god, Krishna, and helped him with his work». Что за история имеется в виду, нуждается в уточнении.

На единственном листе из пенджабской части № 101 коллекции И. П. Минаева, который имеет иной размер (33,5 × 27,5 см), уместилось шесть сцен, каждая около 12,5 × 9,5 см. Здесь сикхская образность вновь соседствует с индусской. В левом столбце изображены (сверху вниз): Хануман, несущий гору; Рама и Сита на троне, за ними Лакшмана с чаури, перед троном Хануман; Дурга на тигре, впереди которого идет Хануман со штандартом. В правом столбце: Шива в облике Батука Бхайрава с бегущей рядом собакой; Гуру Нанак, Бала и Мардана; конное изображение махараджи Ранджит Сингха. Идентичного оттиска в других собраниях отыскать не удалось, но иконография всех этих сцен встречается в пенджабской массовой графике второй половины XIX в.³ Интересно отметить, что в Эрмитаже хранится печатный лист с изображением Ханумана, предположительно атрибутированный как привезенный из Бенгалии (в мае 2017 г. был выставлен на постоянной

² Ср. изображения на миниатюре из Музея Виктории и Альберта (IS.294-1952) и рисунке из Окружного музея искусств Лос-Анджелеса (M.77.154.5).

³ Ср., например, с изображениями из Музея Виктории и Альберта: ИМ.2:71-1917; ИМ.2:66-1917; ИМ.2:37-1917 и др.

экспозиции). Его довольно близкий аналог в Музее Виктории и Альберта (IM.2:32-1917) свидетельствует, что он происходит не из Бенгалии, а из Пенджаба. Сцена на листе из МАЭ с Хануманом, несущим гору, развивает подобную иконографическую схему, но в более упрощенном виде.

Упомянутые выше аналоги из Музея Виктории и Альберта происходят из альбома, собранного Джоном Локвудом Киплингом и переданного в музей его сыном Редьярдом⁴. Отец знаменитого писателя посещал Пенджаб в 1870–1872 гг., а с 1875 г. и вовсе переехал в Лахор, где возглавлял Школу искусств Майо (ныне Национальный колледж искусств) вплоть до отъезда в Англию в 1893 г. Абсолютно идентичные композиции (совпадают даже дефекты печати, например в правой части рамки изображений гурдвары Баба Атала) говорят о том, что листы из МАЭ и Музея Виктории и Альберта оттиснуты с одной матрицы, последние, однако, не были впоследствии раскрашены. На сайте музея время создания работ в коллекции Дж. Л. Киплинга определено как 1870 и 1875 гг. И. П. Минаев был в Пенджабе в первом (1875) и во втором (1880) путешествиях. Во время второго он посетил Лахор и Амритсар (в частности, Золотой храм), что отражено в дневниках⁵. В 1885–1886 гг. на северо-запад Индии он не ездил. Соответственно, описанные выше пенджабские листы могут быть предварительно датированы 1870-ми гг.

В коллекции И. П. Минаева обнаруживаются и такие предметы, которые нуждаются не только в атрибуции, но и в интерпретации изображения, дешифровке смысла и т. п. В качестве примера приведем предмет, числящийся под № 45 (см. цветную вклейку, рис. 20). Б. Я. Волчок определила его как «образ в медном круглом футляре», видимо, по аналогии с христианской церковной утварью. Она атрибутировала его как буддийский: «Рисунок образа состоит из многочисленных традиционных изображений Будды...»

Однако, как выяснилось, эти персонажи относятся к другой религии. Но начать описание экспоната стоит с его уникальности: подобных ему в нашем собрании нет. Он представляет собой круглое цветное изображение группы мифологических персонажей, заключенное в металлическом футляре под стеклом диаметром 13,5 см, такой же футляр, но без изображения используется в качестве крышки. Около некоторых фигур подписаны их имена. И рисунки, и подписи выполнены весьма небрежно, что может свидетельствовать о принадлежности предмета не к высокой традиции, а, скорее, к низкой, народной. Это предположение подтверждается и особенностями орфографии имен на предмете (см. ниже).

В центре круга изображена фигура человека, сидящего на троне в позе лотоса (падмасана). У его ног лежит тигр, а фоном служит, по всей вероятности, условно переданное звездное небо. Центральная фигура обрамлена тремя концентрическими кругами. Первый из них составляют пятнадцать лепестков лотоса. Во втором довольно нечетко и небрежно прорисованы одиннадцать однотипных мифологических персонажей, сидящих в позах лотоса, которые различаются цветом тела, а также зооморфными и иными атрибутами (черный кабан, черный бык, белый цветок-трилистник, кобра, белая раковина и т. п.). В третьем внешнем круге помещены сходные фигуры еще двенадцати персонажей, также сидящих в одинаковых позах лотоса. Каждая из фигур помещена в овал, имитирующий лепесток лотоса. Как и божества второго круга, они различаются цветом тела и атрибутами (белый бык, серый слон, серая обезьяна, белый полумесяц, желтый сосуд, свастика, закрученная справа и т. п.).

⁴ Он включает также аналоги для изображений гуру Нанака (IM.2:33-1917; IM.2:40-1917), Хармандир-Сахиба в Амритсаре (IM.2:50-1917) и листа с четырьмя отдельными сценами; последний разрезан на две части (IM.2:26-1917; IM.2:160-1917).

⁵ В дневнике своего второго путешествия в Индию и Бирму по приезду в Амритсар (запись от 25 апреля) он пишет: «Остановился в том же самом отеле, в котором жил в 1875 г. Мне кажется, даже в той же самой комнате» (Минаев 1955).

Как сказано выше, сам И. П. Минаев не оставил детального описания экспонатов своей коллекции, в том числе и названного выше. Не предложил он и какой-либо его интерпретации, хотя, как можно ожидать, вполне мог услышать ее от какого-нибудь сведущего человека. Но, по мнению ученого, «не все те толкования, которые даются местными брахманами, могут считаться верными» (Минаев 1955: 64).

Что же может представлять собой этот предмет? Прежде всего стоит отметить, что внешне он оформлен по типу мандалы — диаграммы, отражающей метафизическую структуру мира или передающей отдельные космографические идеи и выполняющей в традиционной индийской культуре роль культового предмета. Естественно ожидать, что смысл изображения прояснят имена, написанные шрифтом деванагари, и символы, указанные рядом с персонажами.

Как выяснилось, эти имена и символы относятся не к буддийской, как предполагала Б. Я. Волчок, а к джайнской традиции и принадлежат тиртханкарам (букв. «создавшим переправу»), которых джайны почитают как высших божеств. Имена даны в несанскритском написании. К сожалению, точно определить их языковую принадлежность нельзя. Форма надписей отражает исторические фонетические изменения, характерные для новых индоарийских языков, а также особенности нестандартизированного произношения, позволяющие отнести их к Северной или Северо-Западной Индии. Написание имен свидетельствует, скорее всего, об отсутствии устойчивой орфографии языка надписей или о том, что мастера, писавшие имена, с ней были мало знакомы (выражаем глубокую признательность профессору Гамбургского университета Т. И. Оранской за ценную лингвистическую консультацию).

Имена Вимала, Дхарма, Неми, Сумати, Малли и другие хотя и искажены, но, безусловно, соотносятся с санскритскими вариантами имен джайнских тиртханкаров (Glasenapp, Shrotri 1999: 45–50). Джайнскую принадлежность экспоната подтверждают и иконографические символы, соответствующие каждому тиртханкару, которые обычно изображаются рядом с его фигурой или даже вместо него. Так, символом Ришабхи является бык, Сумати — куропатка, Супаршвы — свастика, Неми — раковина, Малли — сосуд и т. д. (Alphen 2000: 46–47).

Центральное изображение — это Махавира (букв. «Великий герой»), последний, 24-й тиртханкар, который считается основателем джайнизма. Согласно традиционным джайнским воззрениям, он родился 30 марта 599 г. (Терентьев 1996: 505). Его имя не подписано, но он безошибочно опознается как по центральному положению в круге тиртханкаров, так и по символу: перед тронем Махавиры лежит тигр (чаще изображают льва, но лев и тигр взаимозаменяемы в индийской традиции) (Там же: 169). Было бы интересно исследовать разные аспекты символических смыслов изображений. Так, числовая символика (двенадцать фигур во внешнем круге, одиннадцать фигур внутреннего круга и одна центральная фигура) указывает, скорее всего, на область календарно-астрономических знаний, в основе которых лежало представление о «колесе времени», калачакре, воплощавшем модель циклического времени, общую для архаических цивилизаций и наследовавших им традиционных обществ. Но к этой теме мы, возможно, обратимся в будущем.

Сам же предмет с изображениями тиртханкаров, по всей вероятности, является разновидностью так называемой сиддха-чакры, священного колеса — популярной мистической диаграммы (янтры или мандалы), которая воспринимается как символ джайнской веры и в этом качестве присутствует в каждом джайнском храме. Дважды в год, весной и осенью, проходят праздники, связанные с почитанием сиддха-чакры, посвященные всем джайнским святым (Горова 1996: 517–518). Что касается датировки экспоната, то она весьма затруднительна, если вообще возможна. Предполагаемое место создания сиддха-чакры — Гуджарат или Раджастан.

Таким образом, коллекция И. П. Минаева, в силу ее слабой изученности и в то же время исключительной многогранности требует дальнейшего комплексного осмысления методами различных наук. Многие предметы содержат надписи (некоторые в довольно большом количестве), нуждающиеся в расшифровке, среди них есть тексты, записанные не только алфавитами, родственными нагари, но и арабскими буквами, и иероглифами.

Для полного описания коллекции, несомненно, будут очень важны как дальнейшие исследования отдельных предметов — их формы, содержания, времени и места создания, — так и установление связей между ними. Так, с описанными в статье экспонатами только по региональному принципу связаны несколько других из этого же собрания. Некоторые тоже происходят из Пенджаба (живописные работы № 109, 110); другие — печатные джайнские космологические схемы (№ 114) — могли быть созданы или приобретены там же, где и сиддха-чакра (№ 45), наконец, под № 101 хранятся, помимо пенджабских, также бенгальские печатные листы, которые заслуживают отдельного рассмотрения. Работа над уточнением их атрибуции будет отражена в следующих статьях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Альбедиль М. Ф. Индийский буддизм в собрании Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН: коллекция И. П. Минаева // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. IV Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир». СПб., 2011. С. 204–210.

Васильков Я. В. Иван Павлович Минаев — основатель российской школы научной индологии // Минаевские чтения: материалы науч. конф. (Тамбов, 25 ноября 2009 г.). Тамбов, 2010. С. 58–81.

Васильков Я. В. Неварский свиток с рисунками на темы «Лалитавистары» из коллекции И. П. Минаева в собрании МАЭ РАН: «одомашнивание» классической буддийской сутры // Зографский сборник. СПб., 2014. Вып. 4. С. 128–169.

Вигасин А. А. Изучение Индии в России (очерки и материалы). М., 2008.

Вигасин А. А. Иван Павлович Минаев в его дневниках и письмах // Минаевские чтения: материалы науч. конф. (Тамбов, 25 ноября 2009 г.). Тамбов, 2010. С. 41–57.

Волчок Б. Я. Фрагмент мраморного рельефа из индийской коллекции И. П. Минаева // Сборник МАЭ. 250 лет Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого. Л., 1964. Т. 22. С. 254–259.

Волчок Б. Я. И. П. Минаев как этнограф Индии // Иван Павлович Минаев. М., 1967. С. 86–94.

Горовая О. В. Сиддха-чакра-пуджа // Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь. М., 1996. С. 517–518.

Краснодембская Н. Г. От Львиного острова до Обители снегов (рассказ о коллекциях МАЭ по Южной Азии). М., 1983. С. 52–63

Минаев И. П. Очерки Цейлона и Индии: Ч. 1: Из путевых заметок русского. СПб., 1878.

Минаев И. П. Буддизм. Исследования и материалы. СПб., 1887. Т. 1, вып. 1–2.

Минаев И. П. Дневники путешествий в Индию и Бирму в 1880 и 1885–1887 гг. М., 1955.

Миронов Н. Д. Каталог индийских рукописей Российской публичной библиотеке. Собрание И. П. Минаева и некоторые другие. Пг., 1918.

Сокровища Гималаев. Каталог выставки. М., 2017.

Терентьев А. А. Махавира // Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь. М., 1996. С. 505.

Alphen J. Steps to liberation. 2,500 Years of Jain Art and Religion. Antwerpen, 2000.

Glaserapp H., Shrotri Sh. B. Jainism: an Indian Religion of Salvation. Delhi, 1999.

Shimada A. Early Buddhist Architecture in Context The Great Stūpa at Amarāvātī (Ca. 300 BCE-300 CE). Leiden, 2013.

THE ETHNOGRAPHIC COLLECTION OF IVAN P. MINAEV: THE PROBLEMS OF ATTRIBUTION AND INTERPRETATION

ABSTRACT. In the nineteenth century the founder of the Russian school of Indology Ivan P. Minaev gathered an extensive collection of Buddhist manuscripts and objects of material culture. The scholar's written heritage has been studied quite well, but the ethnographic collection he collected has received less attention. Meanwhile, this collection is of considerable value, because Minaev collected and acquired items that were rare at the time. A significant part of the collection consists of artifacts associated with religious beliefs and ritual practices of India and the neighboring countries. The geography of places where artifacts were collected is extensive: it includes various areas of the Indian subcontinent, the Himalayan region among them. One of the main problems arising from the study of Minaev's collection is a need for correct and reasoned attribution of the objects. Some of the items need not only attribution, but also interpretation of the images. In this article, we use particular examples to show some of the ways to solve these problems.

KEYWORDS: Minaev Ivan Pavlovich, ethnographic collection, Jainism, Hinduism, Sikhism, attribution, interpretation

MARGARITA F. ALBEDIL — Doctor of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, St. Petersburg)

E-mail: albedil@inbox.ru

ALEXANDER N. BABIN — Postgraduate student, State Institute of Art Studies; State Museum of Oriental Art (Russia, Moscow)

E-mail: babin.edu@gmail.com

Рис. 18. Гуру Нанак, Бала и Мардана в окружении йогов-натхов. МАЭ № 226-101/9

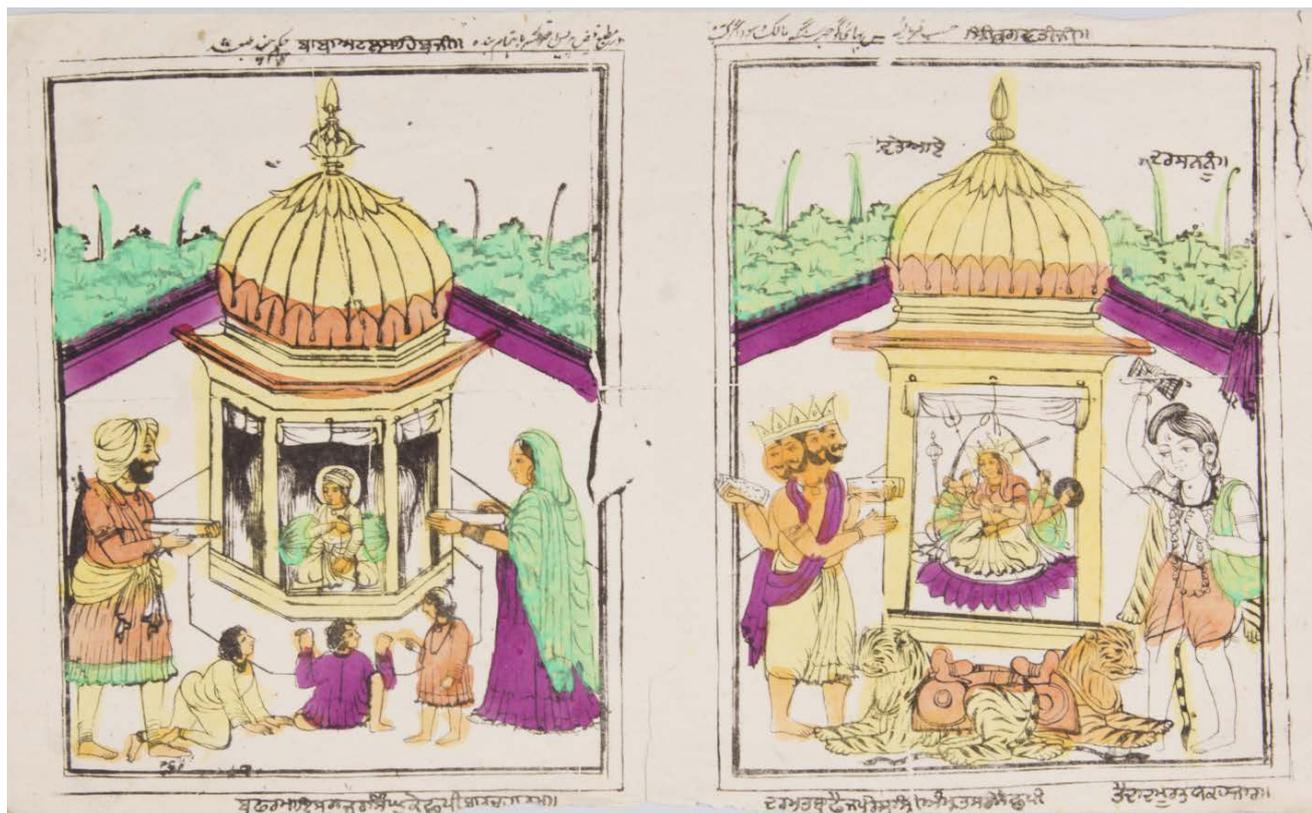

Рис. 19. Гурдвара Баба Атала (слева), Шива и Брахма перед алтарём с изображением Дурги.
 МАЭ № 226-101/2

Рис. 20. Джайнская сиддха-чакра. МАЭ № 226-45